

УДК 82.398(470.67)

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКИХ В ДАГЕСТАНЕ

О.В. Щелкова (Селина)

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматривается свадебный фольклор русского населения Дагестана, который находится в стадии живого бытования, хотя и отмечается ослабление фольклорных традиций.

The article discusses wedding folklore of the Russians in Dagestan which is living, although the folk traditions are weakening.

Ключевые слова: свадебный фольклор, традиция, образы, обряд, песни.

Keywords: wedding folklore, tradition, ritual songs.

Изучение свадебного фольклора является одной из важнейших задач дагестанской фольклористики, так как этот фольклор на сегодняшний день находится в стадии живого бытования, хотя и отмечается ослабление фольклорных традиций.

Как известно, в свадебном фольклоре ярко отразился синкретизм устного народного творчества – гармоническое сочетание элементов словесно-поэтического, музыкального, хореографического и драматического искусства [1].

Основным в свадебном фольклоре является мнимый конфликт, соперничество сторон, которое завершается примирением. Свадьбу можно разделить на две части по составу обрядов и эмоциональной тональности: конфликтно-драматическую и праздничную. Фольклор первой части свадьбы полон грусти. Это грусть молодых, расстающихся с волей, грусть женщин, подруг. Во второй части эмоциональный тон меняется и общим становится игровое и веселое настроение. Вступающие в родственные отношения теперь щедро расточают взаимные похвалы и пожелания добра. Особенно много говорится в адрес молодых.

Свадебный фольклор чрезвычайно многолик и образует свои локальные варианты, отражающие этническую историю расселения русских в Дагестане. Ведь этот фольклор при всех его изменениях это не произвольный набор песен, причетов и обрядовых действий, а всегда определенная, исторически сложившаяся целостность. Он существует как целое и как целое должен изучаться.

В свадебном фольклоре русскоязычного населения Дагестана представлен комплекс структурных закономерностей, показательных для региональных песенных традиций в целом. Это придает изучению музыки традиционной свадьбы особую значимость в аспекте задач ареальных этномузыкологических исследований.

План символического содержания свадебного ритуала русского населения формируется символикой двух переходов, совершаемых в его рамках невестой. Один из них – инициационный, который мыслится как умирание невесты в прежнем качестве и возрождение в новом. Основными фазами этого перехода Б.Б. Ефименкова считает следующие моменты: «а) отчуждение невесты от группы девушек; прощальные обряды в доме невесты; б) увоз невесты из родительского дома; в) приобщение невесты к группе замужних женщин, обычно в доме жениха, разные обрядовые формы такого приобщения» [2].

Фазы второго – территориального – перехода невесты и контактов двух родов выглядят следующим образом: а) вражда двух родов, выражающаяся термином «чужой», употребляемым по отношению к локусу жениха и его представителям (довенечные обряды в доме невесты с участием жениховой родни); б) перелом в характере отношений семей (обряды с участием поезжан в доме невесты перед отъездом под венец); в) породнение семей (встреча молодых в доме жениха после венца, пир, обряды второго свадебного дня).

Свадебный обряд, бытующий в среде русского населения в Дагестане, типологичен с украинской и белорусской свадьбой. Сравнение ритуала свадьбы русского населения с украинской и белорусской свадьбой обнаруживает совпадение их ключевых эпизодов. Это створ, сватовство, смотрины, рукобитье, неделя, баня, утренние обряды венчального дня, встреча поезда, венчание, послевенечные обряды в доме жениха, обрядовые действия второго дня [3].

Основные моменты свадебного обряда – стговор, девичник, день венчания и др. – сопровождаются каждый своими причитаниями. Невеста просила не отдавать ее замуж, отсрочить день свадьбы, она страшится жизни в новом доме, где ее ждет тяжелая работа и неласковое обращение:

Отдаешь ты меня в чужие люди,
В чужие люди незнакомые,
Ко чужому свекру – батюшке,
Ко чужой свекровке – матушке,
Ко чужим братьям – деверьям,
Ко чужим сестрам – золовушкам [4].

О ритуальном расставании невесты с девичьей вольной жизнью говорят такие выражения, как «отлетела девичья красота», «покатись, девья красота», «догорела заря ясная, скатилась девья красота». В причетных песнях происходит сравнение девичьей красоты и бабьей:

Сокатилась девья красота.	И на палочке сушилася.
А как девья-то красота	А где бабья-то в дегтю купалася,
В меду купалася,	В смоле полоскалася
В сахару полоскалася	И на пене высушилася... [5].

В причитаниях и песнях первого свадебного дня, которые исполнялись во время утреннего бужения невесты, ее одевания, причесывания, проводов к венцу, появляются новые образы-символы. Привидевшаяся девушке во сне пустая разрушенная «хоромина» как бы разделяет судьбу девушки-невесты и подвергается разрушению после ее ухода из родительского дома:

Мне привиделся страшной сон, да
Мне пуста, больша хоромина.
Мне пуста, больша хоромина, да
Напрочь углы отвалилися.
Напрочь углы отвалилися,
Род – от племя отступимся! [6].

Все это говорит о том, что свадебные плачи представляют собой совершенно иной жанр, чем причитания похоронные. Невеста пела горестные песни, остальная же молодежь пела песни веселые. К ним относятся свадебные величальные песни молодым, их родителям и почетным гостям.

Уж как кто у нас в пиру хорош, Уж как кто у нас в пиру пригож? Как хорош новобрачный князь, Новобрачный князь Васильюшко, Что Васильюшко Иванович. Его личико – белый снег,	Его щечки вроде алый цвет. Его брови-то черного соболя. Подари-ка ты, хороший, нас, Подари-ка ты, пригожий, нас, Не рублем ты, не полтиною – Что своей-то золотой казной [7].
--	--

Величания призваны наделить величаемых всеми теми качествами, какими должен обладать счастливый человек. Несомненна древняя магическая основа величаний, в которых желаемое выдается за действительное и изображается красочно и идеализированно. Однако ритуальное значение величаний давно забыто, они служат выражением доброжелательности к молодым и их родителям со стороны окружающих, а также стремление получить вознаграждение за песню [8].

В адрес же дружки, сватов и свах, наоборот, пелись песни насмешливые, шуточные, пародийные величания – корильные песни. И чтобы отделаться от таких насмешек, нужно было откупиться деньгами.

Бестолковый сватушка! По невесту ехали, В огород заехали, Пива бочку пролили, Всю капусту полили. У нас в огороде не сноп ли?	У нас сват за столом не без ног ли? Да у нас в огороде не ушат ли? Да у нас сват за столом не плешат ли? У нас в огороде не хлеб ли? У нас сват за столом не ослеп ли? [9].
--	---

Дружка также создавал атмосферу веселья. Но он не пел, а исполнял различные приговоры, содержанием которых служат приветствия. Он был одним из главных распорядителей

свадьбы. Его речь – меткая, афористическая – во многих эпизодах свадьбы приобретала характер импровизированного балагурства.

С приговорами дружки сходны поэтические формулы-присловья, которые сопровождали почти все эпизоды свадьбы начиная со сватовства. Они иногда были связаны с магическими и символическими действиями. Так, во время сватовства цель прихода сватов маскировалась иносказательным диалектом, где жених и невеста назывались купцом и товаром, охотником и куницей, бараном и ярочкой:

У меня есть купец, а у вас товар,
У меня есть жених, а у вас невеста,
Так нельзя ли их свети в одно место?

Есть у нас барашек-бегун, а ищем мы ярочку,
А баран да ярочка – вековая парочка [10].

Во время выкупа невесты перед венцом сват обращается к подружкам невесты и говорит, поднося хмельной напиток:

Голубушки-подруженьки! А местечко нам освободите,
Стакан-то выкушайте, А Катерину-то Васильевну отыщите [11].

Подружки заслоняют собой невесту и требуют выкуп. Сват кидает в стакан медные деньги. Ему говорят:

Нам, сватушка, Мы люди не бедные,
Из меди-то не сошки ковать, Нам не нужны деньги медные, нам,
Да не землю орать, Сватушка, хоть маленьких, да беленьких [12].

Такой поэтический диалог звучит и на свадебном пиру в шуточных тостах с ответами.

С «ослаблением» свадебного обряда жанровые признаки свадебного фольклора ослабевают и в процессе своего развития преобразуются в лирическую свадебную песню. Часть этих песен становятся плясовыми, другая часть – внеобрядовыми лирическими, не привязанными к определенному времени исполнения.

Таковы локальные особенности свадебного фольклора русскоязычного населения Дагестана, так как в настоящее время трудно воссоздать тексты некоторых свадебных песен, некогда существовавших у русских. Возможно, вместе с исчезновением некоторых моментов обряда утратили свой смысл и сопровождавшие их песни или же с утратой смысла обряда, оторвавшись от него, песни стали самостоятельными лирическими произведениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 166.
2. Ефименкова Б.Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян // Музыка русской свадьбы (проблемы регионального исследования): тез. докл. науч.-практ. конф. М., 1987. С. 8.
3. Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские XIX – нач. XX в. Махачкала, 2001. С. 91–104.
4. Зап. Кирюхин В.С. от Ефремовой Е.В., 57 лет, в 1968 г., пос. Тузуклей Дагестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Л. 14–15.
5. Зап. от Пищериной Е.И., 52 г., в 1989 г., п. Чечень Дагестанской АССР / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 2. Л. 15–16.
6. Зап. Темирбекова Л. от Ковалевой М.Е. в 1979 г., х. М. Бредихин // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Л. 14–15.
7. Зап. от Авильовой А.Е., 70 л., х. Мареновский Дагестанской АССР в 1980 г. / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 4. Оп. 2. Л. 7–8.
8. Кирюхин В.С. Русская песня в Дагестане. Махачкала, 1975. С. 16.
9. Зап. Кирюхин В.С. от Стрелкова А.А. в 1969 г., пос. Крайновка Дагестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Л. 17.
10. Зап. Лебедев от Паниной М.А. в 1968 г., пос. Новый Бирюзак Дагестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Л. 33.
11. Зап. от Болдыревой Н.К. в 1989 г., п. Чечень Дагестанской АССР // Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 1. Л. 22.
12. Зап. от Болдыревой Н.К. в 1989 г., п. Чечень Дагестанской АССР // Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 1. Л. 25.

Поступила в редакцию 15.07.2014 г.
Принята к печати 24.12.2014 г.